

ПЭЛЕМ ГРЕНВИЛЛ ВУДХАУС

Берлинская неделя

Из дневника

Перевод и вступление АЛЕКСАНДРА ЛИВЕРГАНТА

Живший в конце 30-х годов на севере Франции Вудхаус вместе со своими соотечественниками был интернирован весной 1940 года. Сначала немцы отвезли его в Лооскую тюрьму в предместье Лилля, потом перевели в льежскую “Цитадель”, а оттуда перевезли в пересыльный лагерь в Тосте в Верхней Силезии, откуда он был выпущен с условием, что выступит по берлинскому радио с “хорошей новостью” для британских и американских слушателей: Вудхаус жив-здоров, ни в чем не нуждается, да и гитлеровцы не так страшны, как их малюют.

В Америке, тем более в Англии, хорошей эту новость не сочли. Выступления писателя по немецкому радио вызвали у него на родине волну возмущения и прежде всего, естественно, в литературной среде. Находились даже горячие головы — среди них Шон О’Кейси и близкий друг Вудхауса Александр Милн, — которые требовали судить прославленного автора Дживза и Вустера за предательство, измену родине.

Выступивших в поддержку Вудхауса было немного — правда, в число его защитников вошли такие признанные литературные авторитеты, как

© АЛЕКСАНДР ЛИВЕРГАНТ. Перевод, вступление, 2025

Пэлем Гренвилл Вудхаус (Pelham Grenville Wodehouse; 1881–1975) — англо-американский писатель-юморист.

Ивлин Во, Джордж Оруэлл, Патриция Хайсмит. Все они придерживались, по сути дела, одного и того же аргумента: с аполитичного Плама (как его звали близкие) и взять-то нечего, не ведает, что творит.

По окончании войны Вудхаус безвыездно жил в США и на родине, где он давно прощен и даже произведен в рыцари, не показывался.

21 июня 1941 года. Еду (а верней, меня везут) в Берлин! Есть о чем подумать: за то, что я буду веселить по берлинскому радио почтенную американскую публику, мне обещаны свобода и встреча с женой; с Этель мы не виделись больше года. Да, подумать есть о чем — я же занят тем, что во все глаза смотрю (нет, не на скорбный пейзаж за окном) на то, как проводник, рыжий, краснощекий толстяк с одышкой, с немецкой тщательностью протирает салфеткой идеальной чистоты ручки двери.

Я — не один, со мной едет некий Маккензи. Как и я, он из лагеря И-Лаг VIII, как и я, англичанин, как и меня, его тоже везут в Берлин. С какой целью — неведомо. Уж не присматривать ли за мной? Только я подумал, как же мой спутник немногословен, погружен в себя, как Маккензи вдруг встрепенулся, хлопнул себя по коленке и, заранее хохоча (запрещенный прием!), выдал несмешной анекдот. Я вежливо хихикнул.

Вспоминаю, как обрадовался комендант нашего лагеря Бухельт, когда я, чего он никак не ожидал, с готовностью согласился обратиться по берлинскому радио к моим американским читателям. “Расскажете им с присущим вам юмором о ваших злоключениях. В том же духе, как в интервью американскому журналисту Энгусу Термеру, пусть знают, что вы живы-здоровы, ни на что не жалуетесь, никуда не подевались и, в отличие от ваших соотечественников, никакой войны с Германией не ведете”. Это Бухельт намекал на мою статью в “Сатердей ивнинг пост” “Моя война с Германией”. И процитировал мои слова из интервью: “Единственная уступка, которой я намерен добиться от Германии, — это чтобы она выдала мне буханку хлеба, велела джентльменам с ружьями, что дежурят у ворот лагеря, отвернуться и доверила остальное мне. В ответ я готов отдать Индию и комплект моих книг с автографом”. Процитировал, посмеялся и посулил, если соглашусь, свободу и встречу с Этель. Я, кстати, неделю назад в письме к жене намекнул: “Не очень удивлюсь, если вскоре в моей жизни произойдут перемены...” Если бы...

Но — по порядку. Накануне вечером меня без предупреждения забирают из лагеря, дают на сборы целых десять минут и вместе с Маккензи под охраной двух гестаповцев отвозят в близлежащий городок Глейвиц, где сажают в берлинский поезд. С лагерем я расстался без особого сожаления. Не то что с “Полной луной”: недописанная рукопись моего последнего романа осталась в И-Лаге VIII. Каково ей без меня? Увидимся ли мы вновь?